

поддерживать свое существование охотой и разбойни. Вѣшали рабочіе съ женами и дѣтьми, но къ нимъ успѣли присоединиться разные молодцы—охотники до чужого добра. Самы заводскіе не были людьми съ мирными наклонностями: тяжести работъ, соединенныхъ съ лишениями, голодовками и частыми и суровыми мѣрами взысканія, успѣли ихъ озлобить такъ, что еще до побѣговъ они дѣлали частыя проступки. Заводскія селенія раздѣлили на кварталы, учредили непрежвѣнные дневные и ночные караулы, построили будки и при въѣздахъ въ селенія разставили рогатки; предполагали со временемъ окружить всѣ селенія рвами и обставить тѣми же рогатками. Разные „алоумнеленные развратники“ продолжали склонять заводскихъ и горныхъ людей къ преступленіямъ и побѣгамъ. Устройства и безопасности въ селеніяхъ не было. Начальство, черезъ сторожей стариковъ, сидѣвшихъ у воротъ, стало знать о всякомъ новопрїѣзжемъ въ селеніе, но о приходящихъ соблазнителяхъ все-таки не получало точныхъ и желаемыхъ знаній. Религіозная пропаганда, съ обласнами на вольную жизнь въ темныхъ лѣсахъ и въ безопасныхъ горахъ, приготовляла вполне независимыя селенія, родъ маленькихъ республикъ. Екатерина, прощая ихъ, принуждена была освободить ихъ сначала отъ всѣхъ налоговъ и только, какъ съ инородцевъ, указала брать небольшой ясакъ шкурами пушныхъ звѣрей. Такая первоначальная осторожность поволѣла впоследствии обложить ихъ податями наравнѣ съ прочими крестьянами. Къ селеніямъ „каменьщиковъ“ мало по малу добровольно присоединялись другіе крестьяне и выселялись изъ своихъ деревень правительствомъ тѣ, которыхъ оно считало благонамѣренными и способными благотворно вліять на независимый духъ коренныхъ поселенцевъ рѣки Катуня и сосѣднихъ дикихъ мѣстъ, бесплодностью и безвѣсіемъ живо напоминающихъ степь.

Раскольники сибирскіе унесли съ собою русскій обычай „брести врозь“, чтобы сбиваться въ подворнища, отдѣльныя поселенія на новыхъ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ церквей. Для этого Алтай и Чернь представляются имъ самыми удобными. Въ Війскомъ округѣ то и дѣло заводятся новые выселки и созываются новые вольные люди „копяти слободы, рыбу ловити и пахоты заводити“. „Сюда привлекаютъ ихъ (пишетъ одинъ сибирскій священникъ), какъ выгоды нашего мѣста и сосѣдство съ кочевыми инородцами, такъ и пустынная дикая мѣстность, представляющая удобства къ своевольной жизни“. Селятся пришельцы между аулами дикихъ инородцевъ, но, заселившись, все-таки состоятъ причисленными къ другимъ деревнямъ. По лѣвую сторону р. Вѣн уже готовы три селенія, выродившіяся изъ семи селеній раскольничьихъ, на-

ходящихся въ Війскомъ округѣ. Въ одномъ изъ новыхъ селеній (Тайнѣ) было тогда уже 20 дворовъ.

Сибирь представляетъ два сильныхъ контраста именно въ томъ отношеніи, насколько разнится свободное поселеніе отъ принужденнаго, руководимое наемными и неопытными руками казенныхъ людей, отъ поселенія, организованнаго самими поселенцами внѣ всякихъ стороннихъ вѣдѣтельствъ и независимо отъ теоретическихъ кабинетныхъ соображеній. Въ 1827 г. утвержденъ былъ проектъ поселенія 5.975 осмыльныхъ въ Енисейской губерніи, имѣвній дѣлю, черезъ усредоточенный надзоръ и занятіе ихъ въ хлѣбопашествѣ, удержать преступниковъ отъ праздности и побѣговъ. Въ пособіе отъ казны назначено было 479.927 руб., сумма, имѣвшая двѣ дѣли: первое—обзаведеніе и продовольствіе съ засѣвомъ; 269.091 руб. истратены были на покупку хозяйственныхъ и земледѣльческихъ орудій, лошадей, коровъ и овецъ,—сумма, не подлежащая возврату. 210.835 руб. назначены были на пособіе осмыльнымъ для двухгодичнаго предводительствія и закупа сѣмянъ и подлежала возврату. Въ мартѣ 1829 г. назначены по близости усадебъ лѣса, указаны сборные пункты для своа провіанта, опредѣлены лица для надзора, отчислено количество осмыльныхъ, нужное для водворенія (за исключеніемъ обзаведшихся хозяйствомъ или принятыхъ старостами). Вся масса отобранныхъ новыхъ хозяевъ разбита была на отдѣленія для каждой деревни. Деревни были уже готовы: большая часть на большой дорогѣ, меньшая въ сторонѣ; двумъ поселеніямъ на р. Улугъ въ Ачинскомъ округѣ, 6-ти въ Миусинскомъ, 10-ти въ Казанскомъ (на р. Бирюсѣ) по р. Кану, Оѣ, Рибивской (на ключѣ Медвѣденскомъ). Всѣ 22 импровизированныя деревни надѣлены 15-ти-десятинною пропорціею лучшихъ земель. На каждомъ дворѣ назначено помѣщеніе четырехъ поселенцевъ; трое опредѣлены были въ работники, четвертому выговорилось провантъ кашевара и предназначалась обязанность хозяина. Товарищи его должны работать, кашеваръ заготавливать для нихъ все нужное. Аракчеевскіе планы осуществлялись въ Сибири: военныя поселенія воскресали въ новыхъ средствахъ приспособленія въ отдаленныхъ странахъ Сибири. „Въ мартѣ 1829 года,—говоритъ свидѣтель этого дѣла енисейскій губернаторъ А. П. Степановъ (въ своемъ извѣстномъ сочиненіи: „Енисейская губернія“):—всѣмъ отдѣленіямъ осмыльныхъ сообщено движеніе къ мѣстамъ, для ихъ деревень опредѣленнымъ. Каждый осмыльный получилъ топоръ—и лѣса пали подъ руками работниковъ поселеній или будущихъ хозяевъ домовъ. Отъ сего времени каждое поселеніе должно было черезъ два года кончиться и черезъ четыре наполниться“. Въ

33 году А. П. Степановъ писалъ слѣдующее: | видѣлъ уже на большой дорогѣ прекрас- хъ пять селеній оконченными и не могъ и полюбоваться. Я видѣлъ семь, достигающихъ его конца; я видѣлъ четыре, которыя, какъ утки, лежали на зеленѣющихъ долинахъ по рекамъ Кана“.

Въ 1836 году видѣлъ эти селенія начавшимъ ю жизнь генералъ-губернаторъ С. В. Бровскій и писалъ нижеслѣдующее: „Жители раз- жалались за неимѣнемъ силы расчищать лѣсъ къ папни. Много домовъ въ жалкомъ за- тѣнн отъ водворенія малосильныхъ семействъ, снаружы дома, крытые досками или дранцами бревенчатыми или досчатыми заборами. Избы пириня въ 5 оконъ на улицу на четыре ьм, раздѣленныя корридоромъ съ обширнымъ ромъ; съ амбарами и сараями съ навѣсами, впушены холостяки; содержаніе одной чи- ты въ такихъ обширныхъ заведеніяхъ и юнтированье поврежденій въ окнахъ, печакъ проч. не подъ силу бѣднякамъ, ничего не ьющими, обезоходиваетъ къ прочному водво- нію въ слѣшкомъ затѣнныхъ для нихъ жили- хъ и постояльцы бѣгутъ, замѣняясь новыми ювыми же, почему трудно ожидать чего ни- цъ безъ новыхъ пожертвованій. Я посѣщаль ьгіе изъ этихъ домовъ, находя тамъ невыра- ьую скудость въ первѣйшихъ потребностяхъ ьни. Странно было видѣть въ домѣ одну жен- ну и четырехъ мужчинъ. При вопросѣ: котораго ь жена?—указывала на одного изъ четырехъ, ьвляя, что они, однако же, не вѣнчаны, а ько, по своему желанію, обречены одинъ дру- ьгу начальствомъ, ибо ссыльныхъ прежде двухъ ьгъ находенія въ Сибири, по закону, вѣн- ьтъ нельзя. Меня крайне удивилъ такой пред- ьятельный союзъ“! Не удивительно то, что боль- ья часть такихъ поселенцевъ бросила новые ьи и разбѣжалась по старымъ лѣсамъ.

За Байкаломъ „семейскіе“ старовѣры съ охо- ьо рассказываютъ всѣмъ такое преданіе, за- ьщанное отцами, о временахъ и способахъ ихъ ьворенія послѣ Вѣтки и Стародубскихъ сло- ьгъ. „Казна дѣдамъ нашимъ не помогала. При- ьгъ ихъ на мѣсто (на р. Иро) чиновникъ *). ьли его спрашивать: гдѣ жить?—указалъ въ ьжъ (дѣйствительно, всѣ три волости, словно ьвалились сквозь землю: кругомъ высокія лѣ- ьтныя горы). Стали пытаться: чѣмъ жить? Чинов- ькъ сказалъ: а вотъ станете лѣсъ рубить, по- ьять щепки, щепы эти и вѣште! Поблаго- ьрили его, стали лѣсъ рубить. На другой годъ ьюдовалъ другъ около друга начинали кое-чѣмъ ьноваться, запасаться нужнымъ. На восемь ьровъ одна лошадь приводилась. Поселились. ьля оказалась благодатной. Ожили и повесе- ьли. Прѣхалъ знакомый чиновникъ и руками

*) По иркутскому лѣтописцу, подполковникъ ьжъ Ивановъ.

развелъ: „Вы-де еще не подошли? Жаль, ьчень жаль, а васъ — чу! затѣмъ и послали, ьтобы вы всѣ перекопали“. О подробностяхъ ьереселенія рассказываютъ слѣдующее: народъ ьобирали въ Калугѣ, гдѣ на берегу Оки за го- ьродомъ стояли нарочно-выстроенные амбары (ба- ьраки). Въ баракахъ этихъ много перемерло на- ьроду. По Окѣ въ Волгу веали на судахъ до Ка- ьзани. Въ Казани много взяли въ рекруты: цѣ- ьлый полкъ потомъ былъ сформированъ изъ се- ьмейскихъ въ Tobольскѣ. За Байкалъ пришли ьуже малыми частями. Первая партія шла на ьЧикой въ 1755 г.; вторая, вышедшая съ марта ь1756, пришла на Иро въ 1758 и оттуда, за не- ьгодностью мѣста, на Бичуру въ 1780 г. Третья ьушла за хребты, гдѣ теперь двѣ волости: Тара- ьбогатая и Мухоръ-Шибирь. На Иро прошло ьтолько 26 семей: Пересычины (6 душъ), Разу- ьваевы (3), Афанасьевы (6), Савичевы (3), ьПросвириковы (2), Терюхановы (4), Петровы ь(4), Павловы (2), Нестеровы (4), Купріяновы ь(3), Ивановы (4), Пантелѣевы (1), Гавриловъ ь(1), Юдинъ (1), Олейниковъ (1), Авдѣевы (2), ьТурковы (2), Ткачовыхъ (2), Гладкихъ (2), ьВѣлыхъ (2), Головановыхъ (2), Кочневъ (1), ьРодионовъ (1), Утенковыхъ (4), Хохловыхъ (2), ьАлексѣевыхъ (4)—всего 70 душъ. Теперь изъ ь70 душъ стало 1.600, отъ которыхъ слышатся ьуже жалобы на тѣсоту житья въ одномъ се- ьленіи, хотя Бичура протянулась на 4 версты въ ьдлину (старожилы, т. е. первые пришедшіе, живутъ ьна горѣ).

Въ 1830 году декабристы, шедшіе изъ Читы ьвъ Петровскій заводъ, получили такія впечатлѣ- ьнія: „Помѣщали насъ въ крестьянскія избы. ьИзбы имѣли по нѣскольку комнатъ съ обоями, ьбольшими окнами и досчатыми крышами. Съ ьодной стороны сѣней была просторная комната ьдля работниковъ съ могущественной русской ьпечкой, по другую сторону отъ 2 до 5 ко- ьнатъ съ голландскими печами; полы были устла- ьны коврами туземнаго издѣлія. Столы и стулья ьбыли чисто выструганы и даже не было недоста- ьтка въ зеркалахъ, купленныхъ на Иркутской яр- ьмаркѣ. Хозяйки гостепріимно угощали насъ вет- ьчиной, осетриной и разными пирогами. На дво- ьрахъ мы видѣли окованныя желѣзомъ телѣги, ьхорошую сбрую, сильныхъ и сытыхъ лошадей и ьздоровыхъ осанистыхъ людей, производившихъ ьна насъ удивительно хорошее впечатлѣніе. Было ьвоскресенье: всѣ шли въ моленную, мужчины ьвъ длинныхъ армякахъ синяго сукна и въ хо- ьрошихъ собольихъ шапкахъ, женщины въ шел- ьковыхъ съ собольимъ воротникомъ душегрѣй- ькахъ, на головахъ шелковые платки, вышитые ьзолотомъ и серебромъ. Многіе изъ нихъ капита- ьлисты; у нѣкоторыхъ — тысячъ до ста“. Съ ь1857 года, въ теченіи девяти лѣтъ, семейскіе ьнеустанно, безпрекословно и безъ особыхъ ущер- ьбовъ для себя, своимъ хлѣбомъ кормили Амуръ

и не только отдавали зерно или муку даромъ, но приплачивали еще 10—20 коп. на пудъ за доставку хлѣба до Читы вольнымъ возчикамъ (казна давала за пудъ 60 коп., доставка изъ Тарабогатая, напр., стоила 70—80 коп.).

— Отчего ваши сосѣди такъ бѣдны?—спрашивалъ одинъ изъ декабристовъ.

— Какъ же имъ не быть бѣдными, — отвѣчалъ нашъ хозяинъ: — мы идемъ на работу въ поле съ пѣтухами, а сибирякъ варить себѣ кирпичный чай и пока соберется на работу, солнце уже успѣетъ высоко подняться. Мы уже первую работу сдѣлаемъ и отдыхаемъ, а сибирякъ въ самую жару мучить и лошадь и себя. Кромя того, поселенцы предаются пьянству, они тратятъ каждую копейку и не могутъ скопить капитала.

Въ нашей дорожной книжкѣ по горячимъ словамъ записались слѣдующія строки (16 янв. 1861 года): „Сибирскимъ народомъ недовольны, какъ бичурскіе семейскіе, такъ и мухоръ-сибирскіе. Встанетъ сибирякъ — чай пьетъ, въ поле идетъ — глядишь, опять домой тащится ѣсть; къ вечеру опять дома чай пьетъ. Хозяйство для нихъ второе дѣло. Опять же у насъ молодежь до 20-ти лѣтъ водки не смѣетъ пить, а у тѣхъ ему и въ этомъ воля. Казаки же народъ совсѣмъ гиблый и не домовитый, ни въ чемъ они на насъ не похожи“.

Декабристы видѣли старика 110 лѣтъ, помнившаго первыя времена поселенія, когда стремились не къ водворенію ихъ, а имѣли въ виду наказаніе. Старикъ жилъ въ домѣ четвертаго младшаго сына, которому было 70 лѣтъ. Хотя самъ дѣдъ и не работалъ, но, по привычкѣ, постоянно носилъ топоръ за поясомъ. Рано поутру онъ будилъ своихъ сыновей и внучатъ на работу. Каждый изъ сыновей имѣлъ по отдѣльной избѣ со дворовъ и амбаровъ и по отдѣльной водяной мельницѣ. „Зачѣмъ тебѣ, дѣдушка, такъ много мельницъ?“ — спросили его. Отвѣчалъ: „Видите, какія у насъ поля!“ и указалъ на окрестныя горы, повсюду расѣяныя. По богатству и довольству этихъ крестьянъ намъ казалось, что передъ нами русскіе въ Америкѣ, а не въ Сибири. Въ этой области Сибирь никакъ не хуже Америки. Тѣ же старообрядцы, живущіе на основахъ общиннаго труда (прибавимъ мы отъ себя), счастливы результатами обезпеченной и сытой жизни именно потому, что во многомъ сходствуютъ съ заатлантическими сектаторами: квакерами, мормонами и друг. Семейскіе имѣютъ собственное общественное управленіе, при помощи котораго поставили себя, до извѣстной степени, въ независимое положеніе. Они понимаютъ секретъ обходиться съ чиновниками, готовые всегда къ млатежу податей и способные платить даже сверхкомплектные въ видѣ поставокъ хлѣба на полуголодный и ненасытный Амуръ. Когда Амуръ легъ на семейскихъ неожиданною тяжестью, долговременные урожаи облегчили

возможность борьбы съ невзгодой; общинная справедливая раскладка по семействамъ довершила удачу борьбы и доставила имъ полную побѣду, не смотря на то, что на хозяевъ средней руки приводилось ежегоднаго взноса до 40 пудовъ (на богатыхъ больше, на бѣдныхъ меньше). Виднымъ, сверхъ того, предоставлено было право воспользоваться платомъ за доставку въ Читы на славныя лодки и баржи. Богачами счѣты сдѣлались тарабогатайскіе, бичурскіе и мухоръ-сибирскіе старовѣры отъ торговли съ китайцами, отъ казенныхъ подрядовъ и доставокъ, въ силу той находчивости и изворотливости великорусскаго человѣка, которая въ равной степени и неизмѣнно сохранены, какъ этими выселенцами изъ Вѣлоруссїи въ концѣ прошлаго вѣка, такъ и живущими тамъ же въ наши дни. Таковыми же живыми, трудолюбивыми и предприимчивыми людьми старовѣры являются и за Байкаломъ между ненаходчивыми сибиряками, какими представляются ихъ единомышленники и родичи между забытыми и полудикими бѣлоруссами гомельскіе, вѣтвовскіе и стародубскіе старовѣры *).

Въ томскомъ острогѣ мы видѣли арестанта, весьма почтеннаго, начтаннаго и солиднаго старика, очень богатаго раскольника — томскаго мѣщанина, который судился за образованіе селенія изъ бѣглыхъ въ Томскомъ округѣ на собственный счетъ и за совращеніе этихъ бѣглыхъ въ старую вѣру. Сходцы завели было отличное хозяйство, жили, не навлекая на себя преслѣдованій преступленіями и никого не обижая. Засѣдатель зналъ, бралъ поклонное и покорное — и не трогалъ. Кто-то сдѣлалъ доносъ: вольныхъ людей схватили, разсажали по тюрьмамъ, завели судъ и дѣло. А селеніе было совсѣмъ готово: большое-пребольшое въ привольномъ и дикомъ мѣстѣ, и лѣсъ — глушь, по требованіямъ людей древняго благочестія и староуческихъ преданій. Стремленія ссыльныхъ старообрядцевъ къ организаціи отдѣльныхъ хозяйствъ въ видѣ скитовъ восходятъ до первыхъ временъ ихъ ссылки. Еще при Алексѣѣ Михайловичѣ сосланные въ Якутскій край устроивали скиты даже на рѣчныхъ островахъ. Но суровость климата и невозможность доставать жизненные припасы послужили причиною скорого исчезновенія этихъ

*) Замѣчательно, что, превращаясь въ сибиряковъ, семейскіе постарались забыть, между прочимъ, великорусскія пѣсни. При всѣхъ нашихъ стараніяхъ мы не могли записать у нихъ ни одной былинны, на каковыя разсчитывали. Намъ говорили въ оправданіе: «Старики напѣвали еще кое-какія старинныя и былинны, разговаривая о роднѣ: намъ не завѣщали никакихъ. Изъ нашихъ молодыхъ ихъ и не слышали. Поемъ только тѣ стихи, которые записаны въ цѣтникахъ». Устояла пѣсня свадебная обрядовая, ибо-де обряды завѣщали блусти крѣпко. Класа нищихъ не выработалось среди достатковъ и при общинной взаимной помощи, а потому бродячихъ пѣвцовъ нѣтъ и въ поминѣ, а съ ними и пѣсенъ.

колоній. Скитъ, образовавшійся около Анадырска и уже значительно увеличившійся, уничтожили сидячіе коряки, напавъ на скитъ и перебивавъ всѣхъ жителей.

Къ числу очень распространенныхъ сибирскихъ народныхъ преданій принадлежатъ повсюдные рассказы о томъ, что тамъ заблудившійся звѣровщикъ, заслышавъ звонъ колокола и соблазнившись имъ, нашелъ никому невѣдомое селеніе. Въ другомъ мѣстѣ такое же обрѣлъ засѣдатель, который, не догадавшись скрытъ своего званія, былъ убитъ жителями никому невѣстнаго и вполне независимаго селенія. Подобные рассказы слышали мы и въ Западной и въ Восточной Сибири (за исключеніемъ одного Забайкалья). „Въ Якутскѣ мнѣ передали (говорить г. Сельскій въ статьѣ „Ссылка въ Восточную Сибирь замѣчательныхъ лицъ“), на Колымѣ и Индигиркѣ тамошніе жители до сихъ поръ рассказываютъ о существованіи съиздавна какихъ-то жителей, прежде сосланныхъ, потомъ бѣжавшихъ и поселившихся на невѣстныхъ островахъ Ледовитаго моря. Въ давніе годы какой-то промышленникъ около колымскаго устья осматривалъ на островахъ звѣроловныя снасти. Тамъ застигла его пурга и онъ заблудился. Долго блуждалъ онъ по окрестнымъ пустынямъ и, наконецъ, собаки привезли его въ незнакомое селеніе, состоящее изъ нѣсколькихъ домовъ, которые всѣ были срублены въ уголь. Заблудившарся приняла женщина, но она ничего съ нимъ не говорила. Поздно вечеромъ пришли съ промышленовъ мужики и стали спрашивать прибывшаго къ нимъ: кто онъ, откуда, по какому случаю и зачѣмъ заѣхалъ къ нимъ, не слышалъ ли онъ объ нихъ чего прежде и, наконецъ, не подосланъ ли къ имъ? Промышленника этого они содержали подъ присмотромъ шесть недѣль, помѣстивъ его въ отдѣльномъ домѣ и не дозволяли случаться ни на шагъ и ни съ кѣмъ не разговаривать. Заключенный во время пребыванія своего тамъ часто слышалъ звонъ колокола и обитатели этого заповѣднаго селенія собирались въ моленную, изъ чего онъ и заключилъ, что это былъ расколыничій скитъ. Наконецъ, жители этого дикаго селенія согласились отпустить промышленника, но взяли съ него при этомъ клятву молчать обо всемъ, имъ видѣнномъ и слышанномъ. Затѣмъ они завязали ему глаза, вывели изъ селенія и проводили очень далеко. При расставаніи подарили ему большое количество бѣлыхъ песцовъ, красныхъ лисицъ и сиводушекъ“.

Къ такимъ вольнымъ селеніямъ, на выгодныхъ и соблазнительныхъ условіяхъ свободнаго выбора, охотно льнуть и бѣжавшіе съ каторги и оставившіе мѣста поселенія; деньги, подкупъ и волостные писаря тутъ играютъ существенную и главную роль. Лѣтъ десять тому назадъ волостное начальство открыло въ Иркутскомъ округѣ поселенца, жившаго въ селеніи болѣе 20-ти

лѣтъ. Знаяшіе его думали, что онъ приписанъ начальствомъ, а потому и не преслѣдовали, да на бѣду, черезъ двадцать лѣтъ ширнаго его житія, узнали, что въ сосѣднемъ селѣ живетъ другой поселенецъ подъ тѣмъ же псевдонимомъ, съ одинаковыми именемъ и прозвищемъ (что случается между поселенцами силою и рядомъ). Этому второму несчастному вздумалось бѣжать. Побѣгъ его открылъ и перваго счастливаго. Стали допрашивать: онъ показалъ фамилію бѣжавшаго и всю его подсудность, а когда сличили пригѣты его съ бѣжавшимъ, не то вышло. Сколько ни блись, настоящей фамиліи своей поселенецъ не показывалъ; такъ и оставили его, благо, что раньше наказанъ былъ за бродяжество. Поблагодѣялъ ему сельскій писарь, признавшійся въ такой штукѣ: этого поселенца 20 лѣтъ тому назадъ поймали въ Минусѣ (Минусинскѣ), гдѣ онъ сказалъ, что бѣжалъ изъ-подъ Иркутска. Земскій судъ и послалъ его въ волость показать крестьянамъ, тотъ ли-де тотъ; оказалось, что не тотъ. Старшина обратилъ его въ волость съ пакетомъ. Поселенецъ, смѣкнувъ, что дѣло недоброе, бѣжалъ отъ ящика съ дороги, прихвативъ съ собою и пакетъ. Съ пакетомъ онъ явился въ другомъ селѣ къ писарю; писарь пакетъ изорвалъ, а поселенцу велѣлъ жить тутъ и сосѣдямъ такъ рассказалъ, что присланъ-де съ пакетомъ. А сколько подобныхъ дѣлъ не наслѣженныхъ, а сколько селеній выросшихъ и окрившихъ не по законнымъ предписаніямъ и обычнымъ программамъ!..

На сколько смышленые готовы сами вести осѣдлую жизнь, свидѣтельствуетъ, между прочимъ, слѣдующій недавній случай. Къ осени 1862 года по бродяжьимъ притонамъ пронелъ глухой слухъ о манифестѣ, въ которомъ будто бы сказано, чтобы всѣхъ бродягъ каторжныхъ приписывать на поселеніе, если только они добровольно явятся къ начальству. Слухъ этотъ расшевелилъ и поднялъ бродягъ, многіе изъ нихъ и въ разныхъ мѣстахъ объявились и, конечно, попали въ хлѣпушку, т. е. получили плети и опять каторгу. Особенно много, говорятъ, явилось такихъ охотниковъ по Томской губерніи.

Идя слѣдомъ за поселенцами по всѣмъ ихъ мытарствамъ, мы приходимъ, наконецъ, къ той важной отрасли государственнаго хозяйства, которая доставила столько денегъ Россіи и причинила столько горя и бѣды Сибири. Мы говоримъ о золотыхъ промыслахъ, которые нѣкогда разрабатывались исключительно руками ссыльно-поселенцевъ. Мѣщане изъ амбисіи, а крестьяне отъ домоусѣдливости на эти работы не ходили *).

*) Въ 1840 году, изъ всего наличнаго числа ссыльныхъ 134.630 человекъ (64.340 въ Западной и 70.290 въ Восточной Сибири), работало на золотыхъ промыслахъ одиннадцать тысячъ, т. е. почти двѣнадцатая часть всего наличнаго ссыльнаго населенія Сибири.